

О двойной международной идентичности современного Китая

Лексютина Яна Валерьевна, Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия

Контактный адрес: lexyana@ya.ru

АННОТАЦИЯ

Примерно с начала XXI в. одним из центральных исследовательских вопросов для китайских ученых-международников становится определение, обоснование и концептуализация международной идентичности Китая. Связано это было как с вызванными стремительным ростом материальной мощи дискуссиями в китайском академическом сообществе о мирном возвышении Китая, так и с «конструктивистским поворотом» в развитии международных отношений как дисциплины в Китае. Понимание международной идентичности Китая важно не только для самого Китая как способ познания «себя» и «других», определения своего места и роли в международной системе, но и для мирового сообщества, поскольку самопозиционирование государства раскрывает его национальные интересы, устремления, внешнеполитическую стратегию и поведение. С момента основания Китайской Народной

Республики в 1949 г. и до конца 1990-х гг. при анализе ее внешнеполитического самопозиционирования всегда можно было выделить доминирующую международную идентичность. В 1950-е гг. это была ярко выраженная международная идентичность КНР как социалистической страны, в 1960–1980-е гг. – как страны третьего мира, с 1990-х гг. – как крупнейшей развивающейся страны. Однако со второй половины 1990-х гг. начала складываться идентичность Китая как ответственной великой державы при сохранении идентичности развивающейся страны. Наличие у Китая двух международных идентичностей на протяжении уже почти трех десятилетий и неоднократно акцентированное китайским руководством намерение еще длительное время сохранять самопозиционирование в качестве развивающейся страны позволяют сделать вывод о том, что двойная международная идентичность Китая не является отражением переходного периода развития, а представляет собой комплексный феномен, требующий осмысления. Цель данной статьи состоит в раскрытии феномена наличия у современного Китая двойной международной идентичности или, иными словами, одновременно двух доминирующих международных идентичностей, определяющих действия Китая на мировой арене. Замысел автора статьи состоял в том, чтобы на основе анализа китайских академических публикаций показать китайское видение феномена двойной международной идентичности современной КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Китай, международная идентичность, развивающаяся страна, ответственная великая держава, статус, глобальная держава, внешнеполитическая идентичность

Введение

С середины 1990-х гг., когда проводимая в Китае политика «реформ и открытости» стала приносить плоды и Китай вступил в период стремительного приумножения комплексной национальной мощи, как у китайских, так и у зарубежных ученых-международников все больший интерес стало вызывать изучение вопросов, связанных с международной идентичностью Китая. Каким «себя» видит или хотел бы видеть в будущем стремительно наращивающий национальную мощь Китай? Какими Китай видит «других» (другие государства)? Какое место в международной системе Китай рассчитывает занять и какую роль играть? Эти и многие другие вопросы, затрагивающие вопрос международной идентичности Китая, стали предметом глубокого изучения и обсуждений среди ученых-международников.

Для Китая, претерпевающего существенные трансформации, было важно найти ответ на вопрос, «кто я есть», и осмыслить свое место и роль в мире. Уже в начале XXI в. китайские эксперты писали о том, что Китай заново определяет свою идентичность, переживает реконструкцию стратегической культуры и переосмысление своих интересов в области безопасности¹. Сильный импульс процессу переосмысления Китаем своей международной идентичности и роли на мировой арене придал мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., внезапно превративший Китай из периферийного члена в ключевого субъекта глобального управления, а также повысивший идеологическую уверенность Китая в своей политико-экономической модели².

Китайские эксперты придают большое значение определению международной идентичности, самопозиционированию Китая на мировой арене. Они исходят из того, что идентичность государства в значительной степени определяет его национальные интересы и потребности, которые, в свою очередь, оказывают глубокое влияние на его дипломатический выбор и отношения с внешним миром³. Международная идентичность влияет на внешнюю политику государства⁴. Для государства разный выбор идентичности, как отмечает китайский эксперт Не Вэньцзюань, ведет к разным историческим судьбам⁵.

Для других государств и прежде всего ведущих мировых держав вопрос международной идентичности Китая не менее значим. Важно понять, чего следует ожидать от стремительно набирающего мощь и влияние Китая. Властные и экспертные круги задаются вопросами: какие изменения в международной идентичности Китая вызовет его возвышение; приведут ли они к существенным сдвигам в национальных интересах и к серьезным корректировкам внешнеполитической стратегии и поведения на мировой арене?

Под международной или внешнеполитической идентичностью государства, как правило, понимают субъективное отождествление государством себя на мировой арене, представления государства о «себе» и «других», о международной

1 Qin Yaqing 2003, 10.

2 Pu Xiaoyu 2017, 147.

3 Luo Jianbo 2014, 28.

4 Qin Yaqing 2003, 10; Zhong Feiteng 2019, 23.

5 Nie Wenjuan 2017, 147.

системе и своем месте в ней, приписывание себе определенных внешнеполитических характеристик, ролей и функций на мировой арене, равно как и ожидания относительно ролей и функций других государств. Дж. Джонсон определяет международную идентичность как «взгляд национального государства на себя, включающий черты его национального характера, его предполагаемую региональную и глобальную роль, а также его восприятие своей возможной судьбы»¹. Как следует из размышлений В.В. Кочеткова о роли идентичности в международных отношениях, международная идентичность государства проявляется в его стратегическом видении и целях, в артикулированной миссии². И.Л. Прохоренко указывает, что внешнеполитическую идентичность формируют «идеи и представления... о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о его ресурсах внешней политики»³. Китайский ученый Ся Цзяньпин определяет идентичность как самоопределение образа и характеристик страны, основанное на признании мировым сообществом роли страны по отношению к мировому сообществу⁴.

Как отмечает И.Л. Прохоренко, самоидентификация государства в системе миропорядка и представления о себе конструируются в процессе анализа конкретно-исторической международной среды и сравнения себя с другими государствами⁵. Ся Цзяньпин обращает внимание на то, что она меняется с изменением моделей взаимодействия между странами⁶. Другой китайский ученый, Ли Бои, указывает, что международная идентичность имеет как «меняющуюся» сторону, так и «постоянную», и что международная идентичность страны в основном формируется посредством взаимодействия с другими странами⁷. У Бин также считает, что национальная идентичность складывается во взаимодействии с другими национальными субъектами мирового сообщества⁸. Как отмечает Чэнь Сян, изменения в идентичности Китая связаны не только с собственным концептуальным познанием Китая, но и с международной средой и взаимодействием Китая с международной системой⁹.

В китайской экспертной литературе сам термин «международная идентичность» (国际身份) практически не используется, но феномен международной идентичности Китая – самопозиционирования Китая и его роли в международной системе в контексте его взаимодействия с миром в XXI в. – изучается очень интенсивно. На рубеже XX–XXI столетий в Китае в развитии международных отношений как дисциплины произошел так называемый «конструктивистский поворот», или увлечение – вслед за А. Вендом – конструктивизмом, частично связанное с неудовлетворенностью такими классическими школами теории

1 Jeannie L. Johnson, "Strategic Culture: Refining the Theoretical Construct," Defense Threat Reduction Agency's Advance Systems and Concepts Office, October 31, 2006, accessed January 10, 2024, <https://irp.fas.org/agency/dod/dtra/strat-culture.pdf>.

2 Кочетков 2010, 107.

3 Прохоренко 2017, 465–466.

4 Xia Jianping 2005, 119.

5 Прохоренко 2017, 466.

6 Xia Jianping 2005, 119.

7 Li Boyi 2021, 38.

8 Wu Bing 2011, 139.

9 Chen Xiang 2016, 48.

международных отношений, как реализм и либерализм¹. Стремительное восприятие китайскими учеными-международниками идей конструктивизма вкупе с получившей широкое распространение в китайском экспертном сообществе с начала XXI в. дискуссией о мирном возвышении Китая привели к тому, что вопрос международной идентичности Китая стал одним из центральных исследовательских вопросов среди китайских ученых².

От доминирующей идентичности социалистической страны, страны третьего мира к крупнейшей развивающейся стране

В мировой экспертной литературе при характеристике международной идентичности современного Китая зачастую используются такие описания, как смешанная, противоречивая, конфликтующая, двойственная, избирательная и пр. Китайские ученые-международники в целом единодушны в том, что у Китая нет фиксированной идентичности, для него характерна множественность идентичностей. Китай является государством, внешнеполитический дискурс которого основан на нескольких конкурирующих представлениях о себе. Китай одновременно и развивающееся, и развитое государство, слабая и сильная, бедная и богатая страна, государство, представляющее интересы развивающегося мира, и великая держава, заинтересованная на равных взаимодействовать с ведущими мировыми державами и т.п. Так, Юань Пэн характеризует Китай как развивающееся государство, которое еще долгое время останется таковым, как возникающую державу (新兴大国³), символизирующую подъем возникающих держав и смещение мировой силы на Восток, как державу мирового уровня – вопреки тому, что ее активность и интересы ограничены главным образом Восточной Азией, – как квази-сверхдержаву, уступающую только США⁴. Цзинь Цаньжун и Лю Шицян также считают, что Китай обладает несколькими личинами: Китай – развивающееся государство; Китай – государство, имеющее обширные общие интересы с развитыми странами; Китай – стремительно развивающееся, непрерывно наращивающее реальную мощь государство; Китай – государство, сталкивающееся с многочисленными внутренними вызовами и имеющее беспокойное внешнее стратегическое окружение⁵. Пу Сяоюй выделяет пять международных идентичностей Китая, которые, как ему представляется, широко признаны в китайском дискурсе международных отношений. Китай – социалистическая страна с китайской спецификой; развивающаяся страна; возникающая великая держава (新兴大家) и возвышающаяся страна (崛起国); признанная великая держава; региональная держава в Восточной Азии⁶. В целом, большинство китайских экспертов согласны с тем, что Китай имеет несколько идентичностей, но среди них есть разногласия относительно того, какая идентичность должна быть доминирующей, что должно быть конечной

1 Но 2019.

2 Ibid.

3 大国 может переводиться на русский язык и как «великая держава», и как «крупная держава», и как «крупная страна / государство». В данной статье используется перевод «великая держава».

4 Yuan Peng 2010, 27.

5 Jin Canrong, Liu Shiqiang 2009, 43.

6 Pu Xiaoyu 2017, 139–140.

целью подъема Китая на мировой арене, какими должны быть стратегия и линия поведения Китая на мировой арене.

Особого внимания заслуживают размышления о международной идентичности Китая Чэнь Сяна, который пишет о том, что страна может одновременно иметь несколько идентичностей, отражающих разные источники идентичности, при этом множественность идентичностей можно упорядочить, ранжировать по степени значимости и выделить доминирующую или первичную идентичность на отдельных исторических этапах¹. Следуя в русле предложенной им концепции о доминирующей международной идентичности, историю КНР в XX в. можно схематично разделить на три основных периода в зависимости от доминировавшей тогда идентичности². В 1950-е гг. доминирующей была международная идентичность Китая как «социалистической страны»: Китай стал частью социалистического лагеря, активно развивал отношения с социалистическими странами, участвовал в различных мероприятиях внутри социалистического лагеря, взял на себя соответствующие обязательства, включая политическую поддержку Советского Союза, экономическую помощь Венгрии, Монголии и другим странам, а также военную поддержку Северной Кореи и Вьетнама³.

В 1960–1970-е гг., после разрыва отношений с СССР и свертывания взаимодействия со многими другими социалистическими странами, на первый план выходит идентичность Китая как «*страны третьего мира*»: Китай постулирует цели защищать общие интересы третьего мира и продвигать революционное дело третьего мира, расширяется оказываемая Пекином помощь странам третьего мира, Пекин осуществляет «экспорт» культурной революции в эти страны, призывает их совместно со странами второго мира развернуть борьбу против «гегемонизма сверхдержав». Китай выдвигает такие внешнеполитические концепции, как концепция «промежуточных зон» и «трех миров». В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в апреле 1974 г. Дэн Сяопин отмечал: «Китай – социалистическая страна, также развивающаяся страна. Китай принадлежит к третьему миру». В мае 1984 г. на встрече с руководством Бразилии Дэн Сяопин резюмировал основное содержание внешней политики Китая в двух предложениях: «противостоять гегемонизму и защищать мир во всем мире», «Китай всегда будет принадлежать третьему миру»⁴.

Однако уже в конце 1970-х гг. Пекин запускает политику «реформ и открытости», идеология как ориентир при выстраивании отношений с миром и дистанцирование от международной (западной) системы утрачивают для Пекина свое значение. Китай отказывается от своего имиджа радикальной революционной державы и фокусируется на интеграции в международную систему. С тех пор и до середины 1990-х гг. Китай сохранял доминирующую идентичность «*развивающейся страны*» с довольно нейтральными характеристиками⁵. При этом, как замечает Чжун Фэйтэн, уже с середины 1980-х гг. правительство Китая стало позиционировать себя как «крупнейшую развивающуюся страну» (最大的发展中国家), а США –

1 Chen Xiang 2016, 34.

2 Ibid., 34.

3 Ibid., 34–35.

4 Цит. по: Zhong Feiteng 2019, 26.

5 Chen Xiang 2016, 37.

как «крупнейшую развитую страну». Так, в октябре 1988 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь в выступлении в американском Совете по международным отношениям отметил: «Китай – крупнейшая развивающаяся страна, а США – крупнейшая развитая страна»¹. Важно также заметить, что широко используемое в 1960–1980-е гг. понятие страны третьего мира в XXI в. полностью исчезает из политического лексикона китайского руководства. В документах съездов КПК оно в последний раз было использовано в сентябре 1997 г. на XV съезде.

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и образования БРИК как межгосударственного объединения в дополнение к позиционированию себя в качестве развивающейся страны Китай все чаще начинает самоопределять себя и как страну с формирующимся рынком (新兴市场国家), или сокращенно – возникающую страну / державу (新兴国家), общий уровень развития которой ниже, чем у развитых стран, но значительно выше, чем у других развивающихся стран. Как свидетельствует проведенный Чжун Фэйтэнгом контент-анализ публикаций «Жэньминь жибао», среднегодовое количество статей с упоминанием понятия «страна с формирующимся рынком» в 1997–2007 гг. составляло 43, а в 2008–2018 гг. оно возросло до 321². В китайском экспертном дискурсе международных отношений все чаще стали вестись дискуссии о Китае как о возникающей стране. Китайское же правительство начало более явно признавать статус Китая как возникающей державы в 2013 и 2014 годах. Во многих выступлениях Си Цзиньпина Китай стал позиционироваться как страна с формирующимся рынком. Точнее, акцент делался на принадлежности Китая к общности стран с формирующимися рынками, придерживающихся одинаковых или схожих взглядов на мировой порядок и актуальную повестку мировой политики, заинтересованных в реформировании системы глобального управления, повышении в ней голоса стран с формирующимися рынками и развивающихся стран. Однако, несмотря на то что концепция Китая как страны с формирующимся рынком обретает популярность, доминирующей идентичностью она не стала, китайское правительство по-прежнему позиционирует Китай в первую очередь как крупнейшую развивающуюся страну.

Развивающаяся страна vs ответственная великая держава

Во второй половине 1990-х гг. восприятие международной идентичности Китая претерпело новые изменения – начала складываться идентичность Китая как «ответственной великой державы» (负责任大国). Среди китайских ученых-международников широко распространено мнение, согласно которому формальным дебютом Китая в качестве таковой стали его действия во время азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 годов. С тем чтобы смягчить кризис и его воздействие на страны региона, Китай, как указывают китайские эксперты, неся определенные финансовые и экономические издержки, предпринял меры по сдерживанию девальвации китайской национальной валюты. Именно тогда Китай осознал, что достиг уровня экономического развития, позволяющего ему играть более активную роль на мировой арене, брать на себя большую

1 Цит. по: Zhong Feiteng 2019, 26.

2 Zhong Feiteng 2019, 25.

международную ответственность и получать от этого отдачу в форме усиления своего влияния и авторитета в регионе и мире¹.

Намерение Китая расширить свое взаимодействие с миром во имя решения общих проблем было впервые зафиксировано в докладе прошедшего в 1997 г. XV съезда КПК. В нем провозглашалось, что Китай будет активно участвовать в многосторонней дипломатии и в полной мере раскрывать роль страны в ООН и других международных организациях. С тех пор постепенно Китай стал расширять свою деятельность в международных организациях, включая увеличение финансовых взносов в ООН и участие в миротворческой деятельности ООН, в оказании помощи другим странам при стихийных бедствиях и т.д. Китайские ученые активизировали усилия по концептуализации международной ответственности, определению международных обязанностей, которые Китай мог бы на себя брать по мере растущих возможностей. Как отмечает В.Я. Портяков, официальное признание Китаем своего статуса как ответственной державы состоялось в 2009 г., когда в статье о 60-летию дипломатии нового Китая в «Жэньминь жибао» министр иностранных дел КНР Ян Цзечи в число основополагающих принципов внешнеполитической деятельности Китая включил «неукоснительное исполнение международного долга и несение международной ответственности»².

Материальной основой и фундаментальной предпосылкой построения идентичности ответственной великой державы стал быстрый рост мощи Китая. Он делал, с одной стороны, возможным, а с другой – необходимым наращивание международной ответственности. Принимая на себя таковую, Китай мог реализовывать национальные интересы, разделять международную власть, повышать свои международное влияние и статус, а также создавать благоприятный международный имидж³. Как отмечает У Бин, здесь действует принцип баланса власти и ответственности: чем больше власть, тем больше ответственность, и чем больше ответственность, тем больше власть. Китайские ученые констатируют, что, принимая на себя международную ответственность, Китай вносит вклад в глобальное управление и укрепляет свое моральное лидерство на мировой арене⁴.

На современном этапе Китай придерживается одновременно двух – нередко характеризующихся экспертами как противоречащих друг другу – международных идентичностей: развивающейся страны и ответственной великой державы. В 2011 г. С.Г. Лузянин и М.В. Мамонов предложили термин «стратегия контролируемой, или избирательной, глобальной вовлеченности»⁵ для характеристики поведения Китая, варьирующего от позиционирования в качестве развивающегося государства, способного брать на себя ограниченную международную ответственность, до позиционирования в качестве глобальной державы, без участия которой немыслима перестройка международной системы. Сегодня, спустя более чем десятилетие, курс Китая на международной арене по-прежнему характеризуется избирательной самоидентификацией.

1 Лексютина 2018, 63.

2 Портяков 2013, 7.

3 Wu Bing 2011, 139.

4 Cai Tuo 2010, 121–136.

5 Лузянин, Мамонов 2011, 11–12.

Чжан Шаодун отмечает, что в настоящее время существует очевидный конфликт между Китаем и западными странами относительно идентичности Китая. Западные страны давят на Китай для того, чтобы он отказался от позиционирования себя развивающейся страной и взял на себя груз международной ответственности, далеко выходящий за пределы возможностей Китая¹. Оказываемое Западом на Китай давление китайские эксперты нередко рассматривают как желание западных стран переложить часть своего бремени ответственности, как способ затормозить, сдержать развитие Китая, демонизировать его и нанести вред его международному имиджу. Требуя от Китая отказаться от идентичности развивающейся страны, западные страны, полагает Чжан Шаодун, пытаются вбить клин между Китаем и развивающимися странами².

Как подчеркивают китайские эксперты, Китай всегда предоставлял достаточное количество глобальных общественных благ и необходимых «коллективных услуг» мировому сообществу, вносил должный вклад в глобальное управление, но важно понимать, что, несмотря на всемирно известные достижения в области развития, Китай по-прежнему остается крупнейшей развивающейся страной в мире и его основные национальные условия, связанные с тем, что он все еще находится на начальной стадии социализма, не изменились³.

По вопросу международных обязательств китайское руководство отстаивает позицию, состоящую в том, что содержание международной ответственности должно отражать реальные возможности государства, уровень его развития и национальную мощь. В Китае обращают внимание на то, что, хотя экономическая мощь продолжает расти, уровень дохода на душу населения все еще ближе к среднемировым показателям и не достигает уровня развитых стран, поэтому по своим характеристикам Китай ближе к развивающимся странам⁴. Эксперты отмечают и то, что ВВП Китая на душу населения по-прежнему относительно низкий, социально-экономическое развитие очень несбалансированно между регионами, между городскими и сельскими районами (подобная несбалансированность, как правило, характерна для развивающихся стран), уровень научно-технологических инноваций недостаточно высокий (он ниже, чем у США и Европы), Китай по-прежнему находится на среднем и нижнем звене глобальных цепочек добавленной стоимости. Хотя Китай одержал победу в борьбе с бедностью в 2020 г., он сталкивается с проблемой закрепления ее результатов и недопущения возвращения в бедность тех, кто был из нее выведен. В публикациях китайских экспертов до сих пор часто присутствует мысль, согласно которой главным приоритетом Китая остаются внутренние обязанности, а основным проявлением ответственности Китая как крупной страны с большой численностью населения является быстрое развитие и значительный прогресс его внутренней экономики. Чэнь Сян отмечает, что, хотя Китай предложил построить ответственную великую державу еще в середине 1990-х гг., концепция ответственной великой державы все еще остается для Китая совершенно новой⁵.

1 Zhang Shaodong 2021, 1.

2 Ibid., 2.

3 Chen Xiang 2016, 45.

4 Zhong Feiteng 2019, 27.

5 Chen Xiang 2016, 37.

Практически во всех китайских экспертных публикациях содержится тезис о том, что, хотя ответственность Китая как великой державы неизбежно будет возрастать по мере роста его национальной мощи, Китай еще очень длительное время будет оставаться крупнейшей развивающейся страной. В докладе прошедшего в 2017 г. XIX съезда КПК был в очередной раз подтвержден статус Китая как развивающейся страны: «мы по-прежнему находимся и еще длительное время будем находиться на начальной стадии социализма, остается неизменным и международный статус Китая как самой большой в мире развивающейся страны»¹. На состоявшемся в 2022 г. XX съезде КПК Си Цзиньпин снова указал, что «Китай является крупной развивающейся страной, он по-прежнему находится на начальной стадии социализма и переживает широкие и глубинные социальные преобразования»².

Между тем, как представляется, приверженность Китая идентичности развивающейся страны связана не только и не столько с оценкой собственной экономической мощи и вызовов своему социально-экономическому развитию, сколько со стремлением сохранить солидарность с развивающимся миром. В течение долгого времени Китай придерживался своей идентичности как развивающейся страны и считал укрепление сотрудничества с развивающимися странами важным направлением своей внешней политики. Огромная роль развивающихся стран в генерировании широкой международной поддержки на мировой арене и в международных организациях была осознана КНР еще в начале 1970-х гг., когда во многом благодаря поддержке со стороны развивающегося мира КНР удалось восстановить свое членство в ООН. На современном этапе поддержка развивающихся стран не менее важна для реализации китайских национальных интересов: развивающиеся страны поддерживают выдвигаемые Пекином глобальные инициативы и предложения, способствуют продвижению в мире китайских стандартов, норм и правил, содействуют Китаю в занятии его представителями ключевых позиций в международных организациях.

В отстаивании идентичности Китая как развивающейся страны китайские эксперты обращают внимание и на то, что понятие «развивающаяся страна» отражает не только уровень социально-экономического развития государства, но и множество иных характеристик, таких как историческое и культурное наследие, особенности политики и пр.³ Оно несет в себе историческую память, чувство принадлежности, близости и идентичности⁴. Китай имеет с развивающимися странами много общих характеристик. Исторически Китай и подавляющее большинство развивающихся стран были колонизированы западными странами⁵ и разделяют общую судьбу. До Второй мировой войны развивающиеся страны, как правило, были колониями, полуколониями или зависимыми от западных

1 Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // Синьхуа. 3 ноября 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 10.01.2024).

2 Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду КПК // МИД КНР. 25 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 10.01.2024).

3 Zhang Shaodong 2021, 2.

4 Ibid.

5 В случае Китая речь, безусловно, идет не о колонизации, а о частичной утрате Китаем своего суверенитета вследствие череды «агрессий» иностранных держав и навязанных Китаю неравноправных договоров в XIX–начале XX века.

держав странами, и только после Второй мировой войны они постепенно обрели независимость¹.

На современном этапе Китай сталкивается со сложной дилеммой. Он все больше приобретает характеристики великой державы, и это изменение идентичности потенциально может привести к серьезным сдвигам в отношениях Китая с развивающимися странами². Идентичность развивающейся страны чрезвычайно важна Пекину в целях консолидации политической поддержки со стороны развивающихся стран. Стремительно наращивая комплексную национальную мощь, Китай «продвигается к центру мировой сцены», но не становится «своим» среди ведущих западных держав и рискует перестать быть «своим» среди развивающихся стран. В контексте распространения среди развитых стран мира концепции «китайской угрозы» Китаю необходимо скорректировать идентичность и использовать свою новую идентичность «ответственной великой державы» для смягчения чрезмерной международной реакции на его динамичное развитие (обеспокоенности, опасений или во все восприятия его как угрозы)³. Как утверждают китайские конструктивисты, мирное возвышение Китая в конечном итоге будет зависеть от его идентичности как ответственного члена мирового сообщества⁴. Одновременно Китаю важно сохранять свою солидарность с развивающимися странами. И выход здесь китайские эксперты видят в том, чтобы Китай рассматривал развивающиеся страны как ключевую область для выполнения своей ответственности великой державы⁵ и выступал в роли проводника интересов развивающихся стран на мировой арене.

Четко придерживаясь идентичности развивающейся страны, в Китае осознают, что Китай не типичная развивающаяся страна. По скорости и масштабам развития он настолько превосходит развивающиеся страны, что некоторые ученые классифицировали его как уникальный тип – «богатые страны, бедные страны и Китай» (富国, 穷国和中国)⁶. В строго экономическом смысле Китай имеет характеристики как развивающейся, так и развитой страны. У Бин отмечает, что хотя Китай является развивающейся страной, он не является обычной развивающейся страной: он постоянный член Совета Безопасности ООН, член «ядерного клуба», имеет население 1,4 млрд человек, а по объему ВВП занимает второе место в мире⁷. Мэнь Хунхуа и Ван Цзисы утверждают, что Китай больше не является типичной развивающейся страной и может идентифицировать себя как страна, способная соединить развитый мир (Глобальный Север) и развивающийся мир (Глобальный Юг)⁸.

1 Zhang Shaodong 2021, 4.

2 Zhong Feiteng 2019, 23.

3 Chen Xiang 2016, 38.

4 Qin Yaqing 2011, 248.

5 Luo Jianbo 2014, 44; Qin Yaqing 2011, 248.

6 Li Daokui 2012, 44–53.

7 Wu Bing 2011, 140.

8 Men Honghua 2014, 204–205; Wang Jisi 2015, 1–7.

Заключение

Среди множества международных идентичностей, которые используются в Китае для обозначения его отличительных особенностей, места и роли в мире, на современном этапе отчетливо выделяются две доминирующие идентичности, определяющие действия Китая на мировой арене, – крупнейшей развивающейся страны и ответственной великой державы. Наличие нескольких международных идентичностей Китая зачастую интерпретируется западными политическими элитами как его непоследовательность в определении своей идентичности и своих интересов, как стратегия «безбилетника», желающего воспользоваться одновременно привилегиями – но не обязанностями – статуса как развивающейся страны, так и великой державы.

В Китае осознают некоторую противоречивость между идентичностью развивающейся страны и идентичностью ответственной великой державы. Суй Цзинь и Ду Чжэюань полагают, что стремительный рост мощи и возможностей Китая вкупе с резким изменением международной обстановки привели к растущему несоответствию между традиционным дипломатическим нарративом Китая и его недавно приобретенным международным статусом¹. Пу Сяюй отмечает, что внезапно проявившийся после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стремительный рост экономической мощи Китая превзошел ожидания политической и интеллектуальной элиты Китая, которая оказалась плохо подготовлена к внезапному повышению статуса страны в мировом сообществе². По мнению Пу Сяюя, противоречивая идентичность Китая связана с общим для всех возвышающихся держав вызовом – объективной оценкой своей меняющейся мощи и соответствующей адаптацией к новой реальности³. Эксперт по Китаю Л. Диттмер отмечает: «Правда может заключаться в том, что Китай, подобно молодому человеку, сейчас больше запутался в своей национальной идентичности, чем когда он был более радикальным и менее развитым. В некоторой степени эта путаница повлияла на образы Китая среди других стран тоже»⁴.

С тех пор как со второй половины 1990-х гг. Китай начал формировать свою идентичность ответственной великой державы, Пекин значительно нарастил свою международную ответственность, расширил участие и роль в глобальном управлении. Период председательства Си Цзиньпина особенно знаменателен в этом отношении: Китай увеличивает взносы в бюджеты ведущих международных организаций, усиливает свою роль в регулировании мировой экономики и обеспечении глобальной и региональной безопасности, неустанно предлагает миру новые идеи, концепции и инициативы, создает глобальные общественные блага. При Си Цзиньпине усиливается великодержавный аспект идентичности Китая. Свидетельством этого также является выдвижение, например, таких базовых внешнеполитических концепций, как «новый тип отношений между великими державами» (新型大国关系) или «дипломатия великой державы с китайской спецификой» (中国特色大国外交).

1 Xu Jin, Du Zheyuan 2015, 251–279.

2 Pu Xiaoyu 2017, 137.

3 Ibid., 148.

4 Цит. по: Pu Xiaoyu 2017, 148.

Заявляя о своем статусе великой державы, Китай вместе с тем не желает терять свою тесную связь и чувство солидарности с развивающимся миром. В течение долгого времени Китай придерживался своей идентичности как развивающейся страны и рассматривал укрепление солидарности с развивающимися странами в качестве важной части своей внешнеполитической деятельности. Вполне закономерно, что по мере своего дальнейшего социально-экономического развития Китай будет все меньше походить на развивающиеся страны, и вовсе формально, опираясь на отражающие уровень социально-экономического развития показатели, перестанет ею быть довольно скоро. Однако международную идентичность Китая как развивающейся страны на современном этапе следует рассматривать не через призму уровня социально-экономического развития, а с иных позиций. Самоопределение Китая как развивающейся страны означает, что свое будущее, реализацию своих ширящихся национальных интересов он видит через тесное взаимодействие и сохранение солидарности с развивающимися странами. Именно в развивающихся странах Китай видит для себя основу политической поддержки и опору в восстановлении «законного» места на мировой арене как в материальном, моральном и культурном смысле могущественного государства. Намеченная Си Цзиньпином к столетию образования КНР в 1949 г. реализация «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» и достижение исторически обоснованного статуса на мировой арене – повышение статуса до уровня, соизмеримого с положением Китая во времена, предшествовавшие Опиумным войнам XIX в. и «столетию унижений», – видятся в Пекине возможными через тесное взаимодействие с развивающимся миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кочетков, В.В. Идентичность в международных отношениях: характеристики, роль и пути формирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 100–114.

Kochetkov, Vladimir V. "Identity in International Relations: Characteristics, Role and Ways of Formation." *Bulletin of Moscow University. Seriya. 18. Sociology and political science*, no. 2 (2010): 100–114 [In Russian].

Лексютина, Я.В. Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018. Т. 16. №2 (53). С. 60–72. DOI 10.17994/IT.2018.16.2.53.4.

Leksytina, Yana. "China, Great Power Responsibility, and Global Leadership." *International Processes* 16, no. 2 (2018): 60–72 [In Russian].

Лузянин, С.Г., Мамонов, М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVI: ежегодное издание / под ред. Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2011.

Luzyanin, Sergey G., and Mikhail V. Mamonov. "China in Global and Regional Dimensions. Resources and Routes of 'Rising'." *In China in World and Regional Politics. History and Modernity. Vol. XVI: annual publication*, edited by E.I. Safronova. M.: IFES RAS, 2011 [In Russian].

Портыков, В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. Москва: ИДВ РАН, 2013. 240 с.

Portyakov, Vladimir Ya. *The Formation of China as a Responsible Global Power*. Moscow: IFES RAS, 2013 [In Russian].

Прохоренко, И.Л. Внешнеполитическая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Издательство «Весь мир», 2017. С. 465–469.

Prokhorenko, Irina. "Foreign Policy Identity." In *Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition*, edited by I.S. Semenenko, 465–469. Moscow: Publishing House "The Whole World", 2017 [In Russian].

Ho, Benjamin Tze Ern. "Chinese Thinking about International Relations. From Theory to Practice." *Asia Policy* 14, no. 3 (2019).

Men, Honghua. "China's National Identity in Transition: Domestic and International Perspectives (1982–2012)." *Social Sciences in China* 35, no. 2 (2014): 189–207. <http://dx.doi.org/10.1080/02529203.2014.900895>.

Pu, Xiaoyu. "Controversial Identity of a Rising China." *The Chinese Journal of International Politics* 10, no. 2 (2017): 131–149. DOI: 10.1093/cjip/pox004.

Qin, Yaqing. "Development of International Relations Theory in China: Progress through Debates." *International Relations of the Asia-Pacific*, no. 11 (2011): 231–257. DOI:10.1093/irap/lcr003.

Wang, Jisi. "China in the Middle." *American Interest* 10, no. 4 (2015): 1–7.

Xu, Jin, and Zheyuan Du. "The Dominant Thinking Sets in Chinese Foreign Policy Research: A Criticism." *Chinese Journal of International Politics* 8, no. 3 (2015): 251–729.

Yuan, Peng. "China's strategic choices." *Contemporary International Relations* 20, no. 1 (2010): 17–32.

蔡拓. 当代中国国际定位的若干思考 // 中国社会科学, 2010年第5期, 第121–136页。

Cai, Tuo. "Some Thoughts on Contemporary China's International Positioning." *Chinese Social Sciences*, no. 5 (2010): 121–136 [In Chinese].

陈翔. 负责任大国: 中国的新身份定位 // 世界经济与政治论坛, 2016年第6期, 第33–50页。

Chen, Xiang. "Responsible Great Power: China's New Identity." *World Economic and Political Forum*, no. 6 (2016): 33–50 [In Chinese].

金灿荣, 刘世强. 奥巴马执政以来的中美关系 // 美国研究, 2009年第4期, 第43页。

Jin, Canrong, and Shiqiang Liu. "Sino-US Relations since the Obama Administration." *American Studies*, no. 4 (2009) [In Chinese].

李博一. 百年大变局下的中国国际身份: 变与不变 // 印度洋经济体研究, 2021年第2期, 第35–37页。DOI:10.16717/j.cnki.53-1227/f.2021.02.003.

Li, Boyi. "China's International Identity under a Century of Major Changes: Change and Stability." *Indian Ocean Economics Research*, no. 2 (2021): 35–37 [In Chinese].

李稻葵. 乱世中的大国崛起: 中国如何应对金融危机的世界。北京: 中信出版社, 2012 年版。

Li, Daokui. *The Rise of a Great Power in Troubled Times: How China Responds to a World in Financial Crisis*. Beijing: CITIC Press, 2012 [In Chinese].

罗建波. 负责任的发展中大国: 中国的身份定位与大国责任 // 西亚非洲, 2014年第5期, 第28–45页。

Luo, Jianbo. "Responsible Developing Power: China's Identity and Major Power Responsibilities." *West Asia and Africa*, no. 5 (2014): 28–45 [In Chinese].

聂文娟. 中国的身份认同与南海国家利益的认知 // 当代亚太, 2017年第1期, 第139–155页。

Nie, Wenjuan. "China's Identity and Perception of National Interests In the South China Sea." *Contemporary Asia-Pacific*, no. 1 (2017): 139–155 [In Chinese].

秦亚青. 国家身份、战略文化和安全利益—关于中国与国际社会关系的三个假设 // 世界经济与政治, 2003 年第1期, 第10–15 页。

Qin, Yaqing. "National Identity, Strategic Culture and Security Interests – Three Assumptions about the Relationship between China and the International Community." *World Economy and Politics*, no. 1 (2003): 10–15 [In Chinese].

吴兵. 身份与责任: 中国国际责任观研究 // 社会主义研究, 2011年第2期, 第138–141页。

Wu, Bing. "Identity and Responsibility: Research on China's View of International Responsibility." *Socialist Studies*, no. 2 (2011): 138–141 [In Chinese].

夏建平. 中国国家身份的建构及其和平内涵—关于中国和平发展的建构主义分析 // 社会主义研究, 2005年第1期, 第119–121页。

Xia, Jianping. "The Construction of China's National Identity and Its Peaceful Connotation – a Constructivist Analysis of China's Peaceful Development." *Socialist Studies*, no. 1 (2005): 119–121 [In Chinese].

张少冬. 论习近平对中国在国际秩序中国家身份的三重定位 // 思想政治教育研究, 2021年. 第37卷第5期. 第1–6页。DOI:10.15938/j.cnki.ipr.2021.05.001.

Zhang, Shaodong. "On Xi Jinping's Triple Positioning of China's National Identity in the International Order." *Research on Ideological and Political Education* 37, no. 5 (2021): 1–6 [In Chinese].

钟飞腾. 中国的身份定位与构建发展中国家新型关系 // 当代世界, 2019年第2期, 第23–28页。DOI: 10.19422/j.cnki.ddsj.2019.02.004.

Zhong, Feiteng. "China's Identity Positioning and the Construction of New Relationships Among Developing Countries." *Contemporary World*, no. 2 (2019): 23–28 [In Chinese].

Сведения об авторе

Яна Валерьевна Лексютина,

д.полит.н., профессор РАН, Институт Китая и современной Азии РАН,
117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, 32

ORCID: 0000-0001-6766-1792

e-mail: lexyana@ya.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 12 января 2024.

Переработана: 8 февраля 2024.

Принята к публикации: 15 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лексютина, Я.В. О двойной международной идентичности современного Китая // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 63–76.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76>

On the Dual International Identity of Contemporary China

ABSTRACT

Since the beginning of the 21st century, one of the central research questions for Chinese IR scholars has been the definition, justification and conceptualization of China's international identity. This was due both to the discussions in the Chinese academic community about China's peaceful rise, caused by the rapid growth of China's material power, and to the "constructivist turn" in the development of IR as a discipline in China. Understanding China's international identity is important not only for China itself as a way of understanding "itself" and "others", but also for the world community, since the self-positioning of a state reveals its national interests, aspirations, foreign policy strategy and behavior.

From the founding of the People's Republic of China in 1949 to the end of the 1990s, when analyzing its foreign policy self-positioning, it was always possible to identify a dominant international identity. In the 1950s it was a pronounced international identity of the PRC as a socialist country, in the 1960s–1980s as a third world country, since the 1990s as the largest developing country. However, since the second half of the 1990s, China has started to reveal its identity as a responsible great power while simultaneously maintaining its identity as a developing country. The use of two international identities by China for almost three decades and the intention repeatedly emphasized by the Chinese leadership to maintain self-positioning as a developing country for a long time allow us to conclude that China's dual international identity is not a reflection of the transition period of China's development, but represents a complex phenomenon that requires conceptualization. The purpose of this article is to reveal the phenomenon of contemporary China having a dual international identity or, in other words, simultaneously two dominant international identities that determine China's actions on the global stage. The author intended to reveal, based on an analysis of Chinese academic publications, the Chinese vision of the phenomenon of dual international identity.

KEYWORDS

China, international identity, developing country, responsible great power, status, global power, foreign policy

Author

Yana V. Leksyutina,

PhD (Polit. Sci.), Professor of the Russian Academy of Sciences;
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovskii Prospekt, Moscow, Russia, 117997

e-mail: lexyana@ya.ru

Additional information

Received: January 12, 2024. Revised: February 8, 2024. Accepted: February 15, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Leksyutina, Yana V. "On the Dual International Identity of Contemporary China." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 63–76.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76>